

Волкогонова Анна Владимировна

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МОДУСЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СУБСТАНДАРТЕ

В статье проводится сопряжение моделей языковой игры, когнитивных механизмов и лингвокультурных модусов в субстандарте английского языка. Фонетические, лексические, словообразовательные, фразеологические и комплексные модели языковой игры восходят к редупликативному, деструктивному, ксенолектному и криптографическому когнитивным механизмам, которые, в свою очередь, детерминируются лингвокультурными модусами снижения и вульгаризации, насмешки и иронии и игровой имитации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/6/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (73). С. 41-43. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

фактической платежеспособности. Также может произойти увеличение сбережений населения, использование дополнительных средств, которые освобождены от налогообложения, на инвестиционные цели, увеличение потребления, что в результате будет содействовать росту экономики России. Возможно, сократятся общие поступления в бюджет от налога на доходы физических лиц, станет сложнее администрировать налог и осуществлять контроль, но это лишь первостепенный эффект, при дальнейшем развитии данной системы, налаживании механизма подобных отношений он будет ликвидирован.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая. М.: Проспект; КноРус, 2012. 748 с.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 марта 2008 г. № 5-П // Российская газета. Федеральный выпуск. 2008. 26 марта.
3. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года № 2 «Возрастно-половой состав и состояние в браке», № 5 «Источники средств к существованию», № 6 «Число и состав домохозяйств» [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 26.04.2013).
4. Церенов Б. В. Семья как консолидированная группа налогоплательщиков: потенциальная модель // Финансовое право. М.: Юрист, 2011. № 1. С. 31-33.
5. Ягудина Э. В. Эволюция взглядов на роль налога как инструмента государственного регулирования // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 10. С. 192-195.
6. http://www.nalog.ru/fl/fl_ndfl/fl_nal_vich/stand_vich/

УДК 81'276.3

Филологические науки

В статье проводится сопряжение моделей языковой игры, когнитивных механизмов и лингвокультурных модусов в субстандарте английского языка. Фонетические, лексические, словообразовательные, фразеологические и комплексные модели языковой игры восходят к редупликативному, деструктивному, ксенолектному и криптографическому когнитивным механизмам, которые, в свою очередь, детерминируются лингвокультурными модусами снижения и вульгаризации, насмешки и иронии и игровой имитации.

Ключевые слова и фразы: языковая игра; модель; когнитивный механизм; лингвокультурный модус; субстандарт.

Волкогонова Анна Владимировна

Ставропольский государственный аграрный университет
anna.volkogonova@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МОДУСЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СУБСТАНДАРТЕ[©]

Ранее нами были предложены модели языковой игры в субстандарте [3], а также выявлены когнитивные механизмы [1], результатом действия которых, по нашему мнению, объясняется существование данных моделей. В настоящей работе на основе моделей языковой игры и когнитивных механизмов, находящихся своё выражение в языке, ставится задача провести их сопряжение и выйти на лингвокультурные модусы.

Моделями языковой игры мы называем «такие структурно-семантические типизированные способы формирования языковых (речевых) единиц, которые реализуют установку отправителя речи на создание иронического, комического – игрового, людического эффекта» [3, с. 75]. Под когнитивными механизмами мы понимаем алгоритмы, задающие способы языкового моделирования в игровой (людической) системе координат. Выбор терминов (модель – механизм – модус) опирается на понятие модели как образца (в нашем случае – для образования номинативных единиц с определённой целью), механизма как системы, определяющей порядок определённого процесса, и модуса как разновидности, способа чего-либо (см. значения слов *модель, механизм, модус* в [4]).

В своём понимании лингвокультурных модусов мы отталкиваемся от идеи В. В. Химика, предложившего выделить следующие модусы экспрессивности в континууме жаргонной лексики: «(1) снижение и вульгаризация, (2) усиление и аффектация, (3) насмешка и ирония, (4) игровая имитация, (5) романтизация и украшение» [5, с. 114]. Мы полагаем, что значение данных модусов выходит за рамки метафорической экспрессии и может быть расширено на весь просторечный континуум в терминологии петербургского учёного и на субстандарт в нашем понимании этой социальной разновидности языка. Следовательно, лингвокультурные модусы – это лингвоконтранты [2], в конденсированном виде манифестирующие лингвокультурные установки с целью их трансляции в лингвокогнитивные механизмы и воплощения в языковые модели.

Для того чтобы эксплицировать лингвокультурные модусы субстандarta, исходя из заявленных выше теоретических установок, необходимо провести исследование в следующей последовательности: языковая

модель → когнитивный механизм → лингвокультурный модус. Такое направление исследования связано с последовательным восхождением от более однозначных сущностей, какими являются воплощённые в речевом материале структуры, к когнитивным построениям и далее – к культурным установкам, формирующим эти построения.

Используем таблицу для суммирования модельных и когнитивных таксонов в работах [1; 2], а также для установления их связей с модусами.

Соотношение «модель – механизм – модус»

языковая модель	когнитивный механизм	лингвокультурный модус
фонетическая (повторы, редупликаты с аблаутом и рифмой)	редупликативный	насмешка и ирония
лексическая (заимствования)	ксенолектный	игровая имитация, насмешка и ирония
фонетическая (искажения)	деструктивный	снижение и вульгаризация
комплексная (фонетико-синтаксическая)	деструктивный	снижение и вульгаризация
словообразовательная (аббревиация)	криптографический	игровая имитация

Презентация полученных результатов в таблице позволяет на первом этапе сделать следующие выводы:

1. Предложенные когнитивные механизмы охватывают не все случаи моделей, описанных в [2]. В частности, остались за рамками исследовательского фокуса фразеологические модели (*pig heaven* – полицейский участок), большинство моделей, составляющих лексические (семантический сдвиг: *painkiller* – спиртное, антономазия: *Ervine* – полицейский), словообразовательные (*beefcake* – «гора мускулов», качок) и комплексные (эпентеза – *abso-bloody-lutely* – абсолютно) классы.

2. Языковые модели, когнитивные механизмы и лингвокультурные модусы не имеют прямых/однозначных соответствий.

3. Остаётся проблематичной формулировка когнитивного механизма, связанного с моделями, основанными на повторе элементов: термин «редупликативный» в значительной мере носит «модельный» характер, однако другие термины, например, «иконический» или «имитативный» представляются недоказательными на имеющемся материале.

В связи с этим представим несколько иную схему соотношения рассматриваемых групп, позволяющую видоизменять составляющие и их соотношение. Самый высокий уровень отношений включения – лингвокультурные модусы – маркирован фигурными скобками, следующий уровень – когнитивный механизм – квадратными скобками и, наконец, уровень языковых моделей – круглыми скобками:

1. {насмешка и ирония [редупликативный механизм (фонетическая модель – простой повтор, повтор с аблаутом, рифмованный повтор) (лексическая модель, семантический сдвиг)] [ксенолектный механизм (лексическая модель, заимствование)]};

2. {игровая имитация [редупликативный механизм (фонетическая – простой повтор, повтор с аблаутом, рифмованный повтор) [деструктивный механизм (комплексная модель – фонетико-синтаксическая, метатеза) [криптографический механизм (комплексная модель, словообразовательно-синтаксическая)]];

3. {снижение, вульгаризация [деструктивный механизм (фонетическая модель, искажение) (фразеологическая модель) [(комплексная модель, словообразовательно-синтаксическая)] [(лексическая модель, семантический сдвиг)]}.

Предлагаемая схема ни в коей мере не претендует на полноту и завершенность, её задача иная – показать возможный алгоритм исследования явлений языковой игры в субстандартных разновидностях языка, тем не менее, уже в таком виде она позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, отношения между лингвокультурными модусами, когнитивными механизмами и языковыми моделями носят не жёстко детерминированный характер, скорее, это отношения мягкой вероятностной детерминации, в которой таксон более высокого уровня задаёт тенденцию и веер опций, но строго не фиксирует типы нижестоящих таксонов и их количество.

Во-вторых, предлагаемая схема имеет свободные «менделеевские» места, обладая, таким образом, эпистемической прегнантностью. Так, в исследовательской перспективе остаётся определение когнитивного механизма для модуса «усиление и аффектация» (и, естественно, языковых моделей). Такая же проблема имеет место и в отношении модуса «украшение и романтизация». Возможно, эти модусы более характерны для жаргонной, в частности, криминальной речи, или данные модусы непродуктивны в игровых моделях.

В-третьих, по-видимому, имеет место более тесная связь когнитивности и языка в предлагаемой нами триаде: когнитивный механизм по существу задаёт основную структуру и формирует в обобщённом виде языковые модели (редупликативный механизм предполагает повторы, деструктивный – нарушения, ксенолектный – чужие формы, криптофорный – «шифрование»). В связи с этим механизм такого рода можно именовать лингвокогнитивным.

Список литературы

1. Волгогонова А. В. Когнитивные механизмы языковой игры в субстандарте // Сборник научных трудов *Sworld* по материалам международной научно-практической конференции. 2012. Т. 41. № 4. С. 13-15.
2. Краса С. И. Инструментарий описания манифестации культуры в языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 79-87.

3. Красса С. И., Волкогонова А. В. Модели языковой игры в социолекте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 25. С. 74-79.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов и выражений. 3-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 856 с.
5. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

УДК 94(47):398.21:355"17/18"

Исторические науки и археология

В данной статье исследуются проблемы отражения реалий военной службы в России конца XVIII – XIX в. в сказках народов Европейского Севера России на примере Архангельской губернии. Анализ показал, что важные особенности организации набора в армию, существовавшие в Архангельской губернии в XIX веке, отражения в сказках не нашли. Но были выявлены содержащиеся в сказках сюжеты, образы и исторические детали, связанные с военной службой, рассмотрены образ солдата, отношение солдат и населения к армии.

Ключевые слова и фразы: военная служба; воинская повинность; образ солдата; сказки; историческая память; Архангельская губерния.

Волокитина Надежда Александровна, к. культурологии

Иванов Фёдор Николаевич, к.и.н.

Сыктывкарский государственный университет

anjis@rambler.ru; fedor-ivanoff@mail.ru

ВОЕННАЯ СЛУЖБА И ОБРАЗ СОЛДАТА В СКАЗКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01201 «Восприятие армии и военной службы населением Европейского Севера России в XIX – начале XX в.».

Фольклор содержит в себе отражение различных элементов народной жизни и сохраняет память о многих событиях прошлого, пусть и в неявной форме. В сказках отражаются народные представления, воззрения, психология и культурные стереотипы народа, который их создал. В сказках народов России достаточно популярными были тема службы в армии и образ солдата. В фольклоре народов Европейского Севера России солдат является одним из любимых персонажей. В данной статье рассматривается тема воплощения в сказках образа солдата и отражения в них реалий военной службы конца XVIII – XIX в. Для анализа были выбраны сказки, собранные в разное время на территории современной Архангельской области.

Земли Архангельской области в рассматриваемое нами время входили, преимущественно, в состав Архангельской губернии и частично находились в составе Вологодской и Олонецкой губерний. Архангельская губерния в том виде, в котором она просуществовала до революционных событий 1917 г., была образована в 1784 г. Рекрутскую повинность население Архангельской губернии первоначально отбывало на общих основаниях, но в 1820 г. указом императора Александра I ему было даровано право замены военной службы денежным взносом, что по замыслу правительства должно было способствовать увеличению торговли в регионе и развитию архангельского порта [9]. Начиная с этого времени, в Архангельской губернии действовал порядок, который существовал в других регионах страны в рамках очередной (впоследствии и жеребьевой) системы, но имела местная специфика, когда представители податных сословий при наступлении очереди их семей или получении жеребья имели право по своему добровольному решению вносить в казну деньги вместо «натуральных» рекрутов (1000 рублей ассигнациями, после реформы Е. Ф. Канкрин – 300 рублей серебром) [6, с. 117-131].

Военная служба в первой половине XIX века была длительной и тяжелой, поэтому правом замены действительной службы денежным взносом стремились воспользоваться как можно больше людей, даже несмотря на сложности, связанные со сбором весьма значительной суммы, необходимой для откупа [12, с. 3]. С другой стороны, в доиндустриальную эпоху экономический рост непосредственно зависел от прироста численности рабочих рук, и дарованная жителям Архангельской губернии льгота в немалой степени содействовала развитию региона. Так, по нормам набора в 1833-1874 гг. из Архангельской губернии в армию должно было уйти 15 803 человека или 71% от прироста мужского податного населения на территории губернии. В реальности это число составило 8264 человека или 37,1% – почти в половину меньше. Здесь мы,